

Р. В. Рыбаков

В поисках новой идентичности: исследование самопрезентаций молодежи в автобиографиях начала 1920-х годов

Автобиографическое творчество давно привлекает внимание исследователей. Востребованность этого вида документов гуманитарными науками превратила автобиографию в мультидисциплинарное понятие. Как правило, под автобиографией понимают рассказ о себе, отражающий индивидуальный опыт личности, проживающей конкретную историческую эпоху. По своему смыслу она близка к другим источникам личного происхождения: мемуарам, дневникам, воспоминаниям, отличаясь освещением преимущественно внутренней жизни индивида, выступая продуктом формирующегося самосознания. Если автобиографические свидетельства «великих людей», известных исторических личностей традиционно попадали в сферу интересов ученых, то, как отмечает Ю. П. Зарецкий, современные исследователи фокусируются на массовой мемуарно-автобиографической продукции, документах, созданных «маленькими людьми», которые долгое время были никому не известны¹.

Несмотря на уникальность автобиографии как продукта культуры, важнейшего документального свидетельства жизненного пути и самосознания личности, познавательные возможности этого источника неоднократно подвергались критике. Часть исследователей сомневается в его объективности, указывая на возможные умол-

**Рыбаков
Роман Валерьевич**
канд. ист. наук,
доц., Омский
государственный
технический
университет
(Омск, Россия)

чания, неправильные толкования, влияние идеологии, расчет, корыстные мотивы авторов, перенасыщенность личной рефлексией².

В противовес критикам защитники автобиографии отмечают, что это один из немногих типов документов, который позволяет проникнуть в пласты ментальности эпохи напрямую, не только вскрыть сознание, но и проникнуть в мир чувств и эмоций человека прошлого³. Для этой группы исследователей значим не столько сам текст автобиографии (хотя и его ценность бесспорна), сколько возможность через его прочтение выявить особенности изучаемого времени, те исторические обстоятельства, которые вынуждали писать именно так, а не иначе.

Особую категорию источников представляют автобиографии, написанные в советский период. В большинстве случаев это спровоцированные документы, созданные не по собственной инициативе. Как указывает С. В. Голикова, вхождение в различные сферы общества и организации сопровождалось заполнением всевозможных анкет и написанием автобиографий. Кроме того, советскому человеку неоднократно приходилось проходить процедуры разнообразных чисток, которые также начинались с заполнения аналогичных бумаг⁴. Поэтому главной целью создания автобиографий стало не самопознание автора и желание поделиться сокровенным, а конструирование образа, необходимого для социально-политической идентификации личности, «демонстрация советской субъективности»⁵. Не стала исключением подобная практика и для молодежи. Советскому студенчеству приходилось проходить неоднократные процедуры чисток⁶. В среде комсомольской молодежи чистки и перерегистрации, выполнявшие функции политического контроля и выступавшие основным методом регулирования состава⁷, также были практически обыденным явлением.

Однако, несмотря на ценность автобиографии как источника в изучении внутреннего мира молодежи, специальных работ, посвященных этой проблеме, не так много. В первую очередь, подобные документы интересовали отечественных и зарубежных психологов и социологов⁸, реже историков⁹. Поэтому в рамках данной статьи мы поставили задачу выявить эвристические возможности исследования социально-политической идентичности молодежи на основе автобиографического материала. В качестве главного исторического источника взяты автобиографии комсомольцев Омской губернии, написанные летом 1922 г. в связи с проводимым пересмотром состава активных работников Российского коммунистического союза молодежи (далее — РКСМ). Так как выявленные автобиографии отличаются по содержанию, для нашего исследования были отобраны 43 документа. Главным критерием отбора стала репрезентативность источника: наличие в тексте элементов, позволяющих выявить жизненные ценности комсомольской молодежи. Документы хранятся в Историческом архиве Омской области, в фонде губернской комсомольской организации¹⁰.

Особенность рассматриваемых автобиографий состоит в описании достаточно короткого периода жизни — 17–20 лет (все авторы родились в начале XX в., в 1901–1904 гг.). Однако прожитые годы оказались чрезвычайно

насыщены событиями, молодежь пережила несколько войн и революций, что, несомненно, наложило отпечаток на ее мировосприятие и предопределило взгляды на жизнь с вполне логичным стремлением к переустройству существующего общества. Молодежь первой четверти XX в. может быть отнесена к отдельному поколению, которое, с точки зрения теории Карла Мангейма¹¹, с учетом общности судеб, была склонна демонстрировать общие ценности и поколенческую идентичность. Более того, исследования В. В. Нурковой доказывают, что схожие пережитые и разделенные воспоминания способствуют единению и консолидации общностей, «дают возможность противопоставить свою социальную группу иной, не имеющей сходного опыта»¹². Поэтому автобиографии молодежи 1920-х годов следует рассматривать не только как свидетельства, отражающие индивидуальный опыт личности, но и как один из способов конструирования коллективной идентичности и социальной памяти.

Безусловно, структура и содержание рассматриваемых автобиографий отличаются, как отличаются судьбы людей и их внутренние миры, находящиеся под влиянием окружения и случайных событий. Не стоит забывать и о том, что молодежь, подготавливая автобиографии, интуитивно пыталась акцентировать внимание на тех событиях жизни, которые позволили бы максимально выгодно репрезентовать свою личность на «коллективном суде» комсомольской ячейки. Тем не менее, несмотря на их качественные отличия, сопоставляя автобиографии, можно выделить ряд повторяющихся сюжетов и мотивов, т. е. представить комплекс автобиографического нарратива в виде своеобразной типичной комсомольской автобиографической модели.

Обязательным элементом каждой автобиографии был рассказ о детстве, родителях и условиях воспитания. Как правило, раннее детство, за исключением дня и места рождения, молодежь не помнит, поэтому начинает повествование примерно следующим образом: «Помню я себя с восьмилетнего возраста, когда только выучила азбуку, с этого момента и буду вести свой рассказ»¹³. Любопытно, что авторы большей части рассматриваемых автобиографий (27 из 43) родились не в Сибири: одних Омская губерния приняла в качестве беженцев от войны и голода из центра России, другие оказались вынужденными переселенцами несколько ранее. В документах неоднократно встречаются упоминания о родителях, сосланных в Сибирь за участие в революционном движении 1905–1907 гг. Однако, несмотря на продолжительное пребывание в Сибирском крае, регион так и не стал им родным, в текстах он часто противопоставляется России. О Сибири молодежь говорит как об отдельной стране: «семья наша родом из России»¹⁴, «из России мы приехали к отцу в Тару»¹⁵, «отец мой был выслан из России в Сибирь при царизме за политику»¹⁶. Это косвенно свидетельствует об отсутствии среди массы комсомольского актива региональной идентичности, т. е. осознания себя как части единой общности, проживающей в регионе и обладающей общими региональными интересами, ценностями и исторической памятью. Об этом же говорит и желание многих комсомольцев поскорее покинуть Сибирь, например уехать учиться¹⁷. Действительно, некоторые активные работники использовали чистку в личных целях. На собраниях принималось решение о признании активистом,

а в качестве рекомендации указывалось на необходимость получения образования. Для этого писалось заявление в вышестоящую организацию об отправке в вуз или рабфак, причем в центральные города России¹⁸. Массовый наплыв молодежи на учебу с рекомендациями от региональных комсомольских организаций вынудил ЦК РКСМ издать циркуляр о запрете отправки членов РКСМ в Москву, Ленинград, Харьков, Одессу и Крым без согласования с центральными органами комсомола¹⁹.

Говоря о происхождении, молодежь не всегда могла точно определить свое социальное (классовое) положение — высокая социальная мобильность эпохи объективно приводила к разрушению социальных границ и затрудняла процессы коллективной идентификации. Как отечественные, так и зарубежные исследователи, занимающиеся социальной историей, пришли к выводу о зыбкости и размытости сословной и классовой структуры российского общества конца XIX — начала XX вв.²⁰ Тексты автобиографий эту точку зрения подтверждают. Характеризуя занятия родителей, молодежь отмечала, что до переезда в Сибирь они занимались хлебопашеством, но здесь многие вынуждены были поменять род своей деятельности и устраивались на железную дорогу, переквалифицировались в плотника, кровельщика, подсобного рабочего. Поэтому, указывая социальное происхождение, молодежь использовала самые разнообразные формулировки: «крестьяне по происхождению и мещане по положению», «обыватели», «из чиновников», а иногда демонстрировала уникальную находчивость и изобретательность. Так, член Тарской городской организации РКСМ Николай Пантелеев о социальном происхождении семьи писал следующее: «По социальному положению мои родители были пролетарии в широком смысле этого слова, что называется, не имели ни кола, ни двора»²¹. При этом его отец был сельским писарем, а мать, как отмечается в автобиографии, занималась торговлей.

Мы далеки от мысли, что комсомольцы массово фальсифицировали предоставляемые сведения. Во-первых, сделать это было довольно трудно, так как происхождение всецело зависело от социального положения семьи, которое в большинстве случаев невозможно было игнорировать и скрыть. Во-вторых, авторы текстов совершенно не пытались создать образ идеального комсомольца, а наоборот, были самокритичны, указывали на свои недостатки, подчеркнуто говорили о непролетарском происхождении и отмечали, что, находясь в составе комсомольской организации, приложат максимум усилий для завоевания доверия товарищей. В-третьих, начало 1920-х годов — время, когда классовый антагонизм еще не достиг пика, непролетарское происхождение не закрывало перед молодежью двери социальных лифтов, следовательно, отсутствовала веская причина для фальсификации. Наконец, не следует недооценивать роль пропагандируемой в комсомольской среде идеи честности и открытости. Поэтому, если в автобиографических сочинениях молодежь и не была до конца искренней, умалчивала о некоторых фактах биографии, это было скорее нежеланием авторов пускать посторонних в глубины своей души, нежели осознанным стремлением ввести в заблуждение товарищей.

В автобиографиях выходцы из непролетарской и некрестьянской среды не боялись своего происхождения и не скрывали его, более того, пытались его использовать, демонстрируя сложность жизненного пути и муки нахождения в «чужой» и «далекой по духу атмосфере». Апеллируя к социальным корням, молодежь объясняла этим личные недостатки. Так, член РКСМ А. Коваленко-Штанова вину за несознательность и политическую безграмотность возложила на ближайшее окружение и непосредственно на отца, который «находился вне рабочей среды и вел полуинтеллигентский, полумещанский образ жизни»²². Со слов автора, подобные условия воспитания, а также религиозность и слухи о бесчинствах и зверстве большевиков заставили ее настороженно относиться к советской власти.

Молодежь старалась любым способом показать свою связь с рабочим классом. Активный работник Тарской городской комсомольской организации Вениамин Енарьев писал: «Родился в чиновничьей семье, благосостояние которой было средним... Жизнь моя протекала на заводах, на которые назначался отец контролером. Живя на заводах, мне приходилось все время сталкиваться с жизнью рабочих, следствием чего появилось чувство недоброжелательности к богатому классу, которое с течением времени разрасталось»²³.

Довольно наивно, но очень показательно стремление члена Омской организации РКСМ С. С. Богородицкого доказать свою близость и сострадание к тем, кто в условиях царизма терпел разного рода лишения. Он вспоминал: «Меня удивляло и поражало то имущественное положение учившихся вместе со мной детей рабочих, при котором они не могли даже купить себе учебники, тетрадку и карандаш. Многих из-за бедности выкидывала из школы строгая учительница. Украдкой от старших я еще бессознательно воровал бумагу у отца, перья, карандаши и дарил их своим товарищам»²⁴.

Одной из стратегий завоевания расположения и сочувствия комсомольской ячейки стало повествование о трудностях детства. Для большинства молодежи 1920-х годов детство действительно выдалось сложное. Во многих автобиографиях пережитое — личная трагедия: потеря семьи, детский дом, голод, унижение, физическое насилие. Знакомство с воспоминаниями дает ясное представление, почему юноши и девушки так яростно отстаивали свои убеждения и право на строительство нового мира, как им тогда казалось, более справедливого, свободного, счастливого. Безусловно, степень трагизма в каждой биографии разная. Приведем в качестве иллюстрации выдержки из двух документов.

Ксения Караваева, которую на комсомольском собрании решили выдвинуть на активную работу, так описывала детство: «После одной зимней поездки отец заболел, захаркал кровью, охрип. Скоротечная чахотка скрутила его. Осталась развратная пьяная мачеха, такие же ее подруги и друзья. И я стала рассылкой по кабакам, прислужницей буйных друзей мачехи и нянькой ее ребенка, с которым часто оставалась на целые ночи, переживая все страхи, каких только набралась от баб-соседей и подружек. В это же время я узнала близко окружающих детей, моих сверстников и товарищей. <...> Мы не были детьми,

мы были стариками, ужасными, уродливыми стариками. У нас не было детства. Слишком много мы знали и слишком точно копировали взрослых»²⁵.

Активный работник Тарской организации РКСМ Петр Наронович в автобиографии указывал: «Я родился 13 июня 1903 г. в городе Таре в обывательско-мещанской семье отца фельдшера и матери, занимающейся хозяйством, довольно зажиточных. Казалось бы, что мое детство должно было протекать в хороших условиях, но на самом деле этого не было. Ставши пятилетним ребенком, я уже не имел представления о хорошей жизни. Моим отдыхом были луга, леса и реки местной флоры и фауны. Каждый день я уходил с товарищами в лес или еще куда-нибудь, где я проводил время»²⁶.

Как видно из приведенных отрывков, детство и судьбы молодых людей сложились по-разному. Оба автора дают понять, что в ранние годы им было не просто. Однако, несмотря на старания Петра Нароновича сформировать образ пережитого трудного детства и тем самым расположить к себе других членов комсомольской ячейки, аргументы выглядят неубедительно. Этот и другие факты, изложенные в автобиографии, не были оценены комсомольским собранием, которое вынесло решение не считать Петра активным работником, даже несмотря на то что он являлся членом партии²⁷.

Следующим элементом, присутствующим в большинстве автобиографий, было описание семейных отношений. Семья и родители для молодежи выполняют важнейшую роль в качестве агентов социализации. Опираясь на коллективный опыт родительского поколения, молодежь приобретает знания и навыки. Однако послереволюционные годы были отмечены инверсией семейных ценностей. Данное обстоятельство можно объяснить несколькими причинами. Уже перечисленные нами трагические события российской истории начала XX в. привели к резкому сокращению количества семей, полных семей и росту детской беспризорности. Воспитанная в детдомах и приютах молодежь 1920-х годов оказалась лишена традиционных семейных ценностей, поэтому в дальнейшем испытывала сложности с их воспроизводством. Другим фактором стала идеология, объявившая патриархальную русскую семью пережитком прошлого²⁸. Официальная пропаганда формировала у молодых людей представление о взрослых и родителях как ретроградах, не способных понять происходившие в стране изменения и поэтому не готовых поддержать процесс модернизации. Тем самым подрывался авторитет старшего поколения и семьи в целом, был инспирирован семейный конфликт, «конфликт отцов и детей», оказавшийся в том числе результатом поиска молодежью новой идентичности.

Анализ содержания автобиографий позволяет выделить две основные стратегии, выбираемые молодежью при характеристике семейных взаимоотношений. Комсомольцы непролетарского происхождения чаще заявляли о конфликтах и разрыве с родителями. Для них семья выступала символом «прошлой жизни», от которой стремились избавиться, подчеркивая ее «мелкобуржуазный гнет», «атмосферу суеверий и обрядностей», «презрение». Открытая критика семьи стала одним из способов солидаризации этой группы юношества с пролетарской молодежью, а также новыми ценностями, взглядами и убеждениями, прививаемыми официальной идеологией. Например, Василий Любимов

в автобиографии признавался, что его отец был служителем культа: «Моим отцом был поп (пишу был, потому что я вот уже несколько лет не имею с ним ничего общего)»²⁹. Испытывая давление, слушая со стороны отца назидания и устрашения, юноша принял решение уйти из дома. В 1920 г. устроился на работу рассыльным, вступил в РКСМ, получил направление на рабфак. Иными словами, сюжет автобиографии построен на очевидном противопоставлении двух этапов жизни молодого человека: отказавшись от отца и поддержки семьи, Василий предпочел посвятить себя партийно-союзной работе, веря в мировую революцию, советское будущее, он вполне осознанно разделил судьбу многих комсомольцев.

Вместе с тем представители рабочей молодежи склонны были писать о единстве социально-политических взглядов и поддержке родными. Яков Резиновский указывал, что родители по поводу вступления в комсомол «против ничего не имели, наоборот, говорили, что только в РКСМ рабочий подросток найдет и получит должное воспитание»³⁰. Подобные суждения встречаются в документах довольно часто. Это позволяет сделать вывод о том, что кризис семьи в начале 1920-х годов не имел всеобъемлющего характера. «Конфликт отцов и детей» был скорее одним из идентификационных механизмов, который активно использовался и властью при конструировании советской идентичности, и частью молодежи, стремившейся соответствовать этим социально-политическим тенденциям.

Лейтмотивом большинства автобиографий стали антагонизм старого и нового, противопоставление прошлого и настоящего. Дореволюционный период молодежь оценивала как время помещичьего произвола, чиновничьей безнравственности и жестокости. «Мне неприятно и больно, очень больно вспоминать всю эту жизнь, ведь в ней нет капли света, чтобы можно только вспомнить спокойно с радостью, как вспоминают все», — отмечала в автобиографии Клавдия Сытытова³¹. Комсомольцы подробно описывали свои лишения и страдания, одновременно не забывая указывать на непримиримую борьбу со старым режимом, формируя образ активных приверженцев нового строя.

Активисты демонстрировали мужественное преодоление самих себя и трудностей, с которыми приходилось сталкиваться. Вот как об этом пишет активный работник 3-го района РКСМ г. Омска Василий Васильев: «В мае 1921 г. я был избран в состав райкома, отозван с транспорта и назначен на должность завучраспрода 3-го района. В тот самый момент, когда здесь почти ничем не снабжались активные работники, все отсюда бежали где лучше, я оставался работать, несмотря на очень плохие экономические условия. Осенью и зимой я все-таки не бросил работу, не разочаровался, несмотря на то что ходил совершенно босой или в суконных черевичках по колено в грязи»³².

Главная критика прежней эпохи фокусировалась на отсутствии возможности учиться. Действительно, тексты автобиографий свидетельствуют о разном уровне образования молодежи, это проявляется и в объеме написанного, и в содержании, в характере и способах подачи информации, в языке и речевых оборотах, грамотности повествования, логичности текста. Большинство документов говорят о низкой грамотности пишущих. Но среди авторов есть

и те, кто даже в условиях революции и Гражданской войны смог окончить гимназию. Однако юноши и девушки этим не хвастаются, а скорее оправдываются перед товарищами. Александра Пчелкина просила перевести ее из кандидатов в члены РКСМ и не презирать только за то, что она окончила шесть классов гимназии³³. Крайне любопытный способ доказать страдания в обучении выбрал Петр Наронович. Давая оценку этому периоду жизни, он указывал на окружение «мелкобуржуазной стихией», под которой понимал нарядно одетых барышень и кавалеров, к тому же увлекавшихся танцами. Дабы не дать заподозрить себя в симпатиях и близости к этим юношам и девушкам, Петр четко заявляет, что его никто не любил: «[Даже учителя] ненавидели, чаще других спрашивали меня по разным предметам, в общем глумились надо мной»³⁴.

К пережиткам прошлого комсомольцы относили религию. Проводимая властью кампания по искоренению религии не могла не сказаться на восприятии юношеством традиционной веры в бога и церкви. В автобиографиях молодежь отмечала, что советская власть дала им иное представление о жизни и мире, освободила от религиозных заблуждений и суеверий. При этом многие осознавали и признавали право старшего поколения, своих родителей на сохранение веры. Так, по мнению Н. Герштейн, религия «была их единственной радостью в жизни. Вера в милости Всевышнего поддерживала их в трудном пути жизни»³⁵.

Осуждение прежней жизни создает перед авторами документов мотивацию для вступления в РКСМ и партию. Однако, несмотря на заявленные симпатии и поддержку советской власти, молодежь слабо представляла ее сущность. Как показали выводы комиссии по пересмотру активных работников, политическая грамотность комсомольцев была крайне низкой. Молодежь не знала ни программы, ни устава коммунистической организаций³⁶. Об этом же свидетельствуют тексты автобиографий. Отвечая на вопрос о причинах вступления в РКСМ, молодежь указывала: «желала ознакомиться получше с Советской властью и РКП»³⁷, «захотелось узнать, что такое союз и в чем заключается его работа»³⁸, «захотелось политически развиваться»³⁹. Таким образом, знания молодежи о коммунистической идеологии были поверхностными, и причины вступления в РКСМ были не идеологическими, а исключительно просветительскими.

Ценность автобиографии заключается в возможности выявить особенности восприятия молодежью исторически значимых событий. К таковым, безусловно, относятся революционные потрясения первой четверти XX в. Большинство авторов встретили 1917 г. 13–16-летними подростками. С точки зрения юношеской психологии это важнейший возраст для формирования личности и ее последующей идентификации, складывания «мы»-концепции⁴⁰. Можно предположить, что такое знаковое событие, как революция, максимально ярко отражено молодежью в автобиографиях. Однако из 43 документов лишь в 13 есть упоминание о ней. Кроме того, из 13 только в трех ей отведено место важнейшего эпизода в жизни подростка. Для большинства же революция прошла незамеченной. А Коваленко-Штанова указывает: «Революция 1917 г. и переворот в Омске 1918 г. для меня прошли незаметно ввиду моего

малолетства (13–14 лет)»⁴¹. Родившийся в 1905 г. Дмитрий Шильмовер отмечал: «Картины революции проходили мимо меня, не задевая меня, а оставляя лишь о себе легкий след»⁴².

Гораздо подробнее в документах молодежь говорила о Гражданской войне. Любопытно, что юноши не скрывали своей службы в Белой армии, однако все же отмечали, что служба была вынужденной, активных действий не принимали, находились в госпитале или в частях связи, при первой возможности переходили на сторону красных. Воспоминания о жизни в Омске в период пребывания А. В. Колчака присутствуют в подавляющем числе автобиографий (31 из 43). Встречающиеся сюжеты несут в себе резко негативную эмоциональную окраску. Авторы используют недвусмысленные определения: «колчаковщина»⁴³, «колчаковский произвол»⁴⁴, «реакция Колчака»⁴⁵.

Содержание автобиографий позволяет сделать вывод о наличии у значительной части молодежи веских причин ненавидеть это время и «власть Колчака». У многих семьи были вынуждены бежать, прятаться, родители и близкие люди оказались или в тюрьме, или расстреляны. Оставшиеся без семьи подростки помещались в приюты, где, со слов Сергея Рунева, испытали «все тяжести колчаковского времени»⁴⁶. Член РКСМ Зина Павленко, ставшая свидетелем свержения советской власти в Петропавловске, отмечала физические страдания от казачьих нагаек и постоянное чувство страха быть арестованной⁴⁷. Безусловно, мы допускаем, что часть информации, представленной в автобиографиях, — плод юношеских воображений и преувеличений, что ни в коем случае не мешает сделать вывод о формировании негативного образа Белого движения в массовом сознании комсомольской молодежи и складывании на этой основе коллективной идентичности.

Молодежь характеризовала то время как тяжелое и безвыходное, заставлявшее приспособляться, чтобы выжить. Николай Пантелеев в автобиографии раскаивался, что в годы Гражданской войны в Омске ему пришлось заниматься спекуляцией. Но вину за преступное с точки зрения большевистской идеологии занятие всецело возлагал на Колчака⁴⁸. Даже в тех случаях, когда личность не пострадала и не испытала на себе негативного влияния действий белогвардейцев, молодежь обязательно подчеркивала свое неприятие этой власти, используя дежурные обвинения и типичные формулировки. Петр Наронович так описывал тот период: «Черные дни сибирской реакции врезались мне в память. Передо мной еще сейчас стоят картины дикого произвола цивилизованных людей, как они себя называли»⁴⁹, однако каких-либо деталей и подробностей в автобиографии не приводится. Таким образом, особое внимание молодежи к Гражданской войне позволяет утверждать, что именно она, а не революция стала рубежным событием, которое предопределило будущее молодежи, заставило совершить социально-политический, культурный и цивилизационный поворот в сторону коммунистического будущего.

Проведенный анализ автобиографий свидетельствует о широких возможностях этого вида исторических источников в исследовании социально-политической идентичности молодежи. Документы содержат уникальную информацию о повседневной жизни молодого человека из провинции в ус-

ловиях революционного и военного времени. В них максимально репрезентативно отражена рефлексия пережитых событий. Несмотря на качественное разнообразие, структура автобиографий во многом похожа. Главные акценты делались на детстве, воспитании, семейных отношениях, противопоставлении двух этапов жизни: прошлого и настоящего. Содержание документов было обусловлено не только необходимостью формирования образа активного борца за новый строй, стойкого приверженца советской власти, но и потребностью делиться своими мыслями, убеждениями, желанием высказаться, получить поддержку, сочувствие. Автобиография, зачитываемая на комсомольском собрании, в полной мере удовлетворяла обоим условиям. Присутствующее в проанализированных источниках сходство переживаний, восприятий исторически значимых событий, оценочных суждений у лиц разного социального происхождения свидетельствует о консолидации молодежи, возникновении коллективной идентичности и общей социальной памяти.

¹ Зарецкий Ю. П. Свидетельства о себе «маленьких» людей: новые исследования голландских историков // Социальная история: ежегодник. 2008. СПб., 2009. С. 329.

² См., напр.: Зеньковский В. В. Психология детства. М., 1995. С. 13; Майдачевский Д. Я. Автобиография как историко-научный источник и жанр // Историко-экономические исследования. 2015. Т. 16, № 1. С. 139; Фицпатрик Ш. Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века. М., 2011. С. 4.

³ См., напр.: Величко Л. Н. Автобиография как способ «конструирования» прошлого и особый тип исторического источника // Вестник ставропольского государственного педагогического института. 2010. № 13. С. 284–294; Гудкова В. Населяя историю людьми: биографический метод как инструмент гуманитарной науки // AvtobiografiЯ. 2016. № 5. С. 17–37; Pascal R. Design and truth in autobiography. New York, 2016. P. 13.

⁴ Голикова С. В. Влияние формализованных текстов (анкет, автобиографий, наградных документов) на советскую мемуарную традицию о революции 1917 г. // Человек и общество в условиях войн и революций: мат-лы II Всерос. науч. конф. Самара, 2015. С. 188.

⁵ Тихомиров А. А. Заслужить, оправдать и вернуть доверие партии: советское «я» в письмах во власть в ранней Советской России // Новейшая история России. 2016. № 3(17). С. 138–139.

⁶ См. об этом: Рожков А. Ю. В кругу сверстников: жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. М., 2014. С. 159–164.

⁷ Слезин А. А., Скоропад А. Э. Осуществление политического контроля над молодежью через регулирование состава комсомольских организаций: начальный этап // Социодинамика. 2013. № 3. С. 366–420.

⁸ Дивисенко К. С. Динамика ценностей школьников (по материалам автобиографий и сочинений) // Социологические исследования. 2008. № 8(292). С. 118–122; Рубинштейн М. М. Юность: по дневникам и автобиографическим записям. М., 1928; Shaw C. R. The Jack-Roller: A Delinquent Boy's Own Story. Chicago; London, 2013.

⁹ Рожков А. Ю. Эмоциональные переживания юного арестанта ОГПУ (Краснодар, 1928 г.) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Т. 9, № 6-1. С. 95–103; Мануилова И. Б. Мотивация к освоению учительской профессии у крестьянской молодежи (по материалам автобиографий абитуриентов смоленского учительского института) // Славянский мир: письменность, культура, история: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. «Письменность и культура славянского мира» (24 мая 2017 г.). Смоленск, 2017. С. 101–106.

¹⁰ Исторический архив Омской области (далее — ИАОО). Ф. П-36. Оп. 1. Д. 292–299.

¹¹ См. об этом: Мангейм К. Очерки социологии знания: Проблема поколений — состязательность — экономические амбиции. М., 2000.

- ¹² *Нуркова В. В.* Роль автобиографической памяти в структуре идентичности личности // *Мир психологии*. 2004. № 2. С. 85.
- ¹³ ИАОО. Ф. П-36. Оп. 1. Д. 298. Л. 27.
- ¹⁴ Там же. Д. 296. Л. 46.
- ¹⁵ Там же. Д. 298. Л. 21.
- ¹⁶ Там же. Л. 66.
- ¹⁷ Там же. Д. 299. Л. 64–66.
- ¹⁸ Там же. Д. 283. Л. 27.
- ¹⁹ Там же. Д. 97. Л. 99.
- ²⁰ См., напр.: *Миронов Б. Н.* Социальная природа, психологический облик и роль российского пролетариата в революционном движении // *Былые годы. Российский исторический журнал*. 2017. № 44(2). С. 680–711; *Neumann M.* “Youth, It’s Your Turn!”: Generations and the Fate of the Russian Revolution (1917–1932) // *Journal of Social History*. 2012. No. 46(2). P. 273–304; *Wirtschafter E. K.* Social Identity in Imperial Russia. DeKalb, 1997.
- ²¹ ИАОО. Ф. П-36. Оп. 1. Д. 296. Л. 36.
- ²² Там же. Д. 295. Л. 11–11об.
- ²³ Там же. Д. 296. Л. 31.
- ²⁴ Там же. Д. 299. Л. 17–18.
- ²⁵ Там же. Д. 296. Л. 38.
- ²⁶ Там же. Л. 69.
- ²⁷ Там же. Л. 2.
- ²⁸ См. об этом: *Никулин В. В.* Эволюция института брака в советской России: от отмирания брака к консервативной семье (1917–1920-е гг.) // *Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки*. 2016. Т. 21, № 7–8(159–160). С. 105.
- ²⁹ ИАОО. Ф. П-36. Д. 298. Л. 25–26.
- ³⁰ Там же. Д. 296. Л. 51.
- ³¹ Там же. Л. 28.
- ³² Там же. Д. 295. Л. 13.
- ³³ Там же. Д. 298. Л. 49.
- ³⁴ Там же. Д. 296. Л. 69.
- ³⁵ Там же. Д. 298. Л. 46.
- ³⁶ Там же. Д. 296. Л. 2–3.
- ³⁷ Там же. Л. 32.
- ³⁸ Там же. Л. 45.
- ³⁹ Там же. Д. 298. Л. 27.
- ⁴⁰ См. об этом: *Гутман Ю. Э.* Социально-психологические и возрастные особенности юношеского возраста // *Актуальные проблемы и перспективы развития современной психологии*. 2017. № 1. С. 102–106; *Кон И. С.* Психология ранней юности. М., 1989; *Райс Ф., Долджин К.* Психология подросткового и юношеского возраста. СПб., 2012; *Эриксон Э. Г.* Идентичность: юность и кризис. М., 2006.
- ⁴¹ ИАОО. Ф. П-36. Оп. 1. Д. 295. Л. 11–11об.
- ⁴² Там же. Д. 298. Л. 41.
- ⁴³ Там же. Д. 295. Л. 10.
- ⁴⁴ Там же. Л. 37.
- ⁴⁵ Там же. Л. 46.
- ⁴⁶ Там же. Д. 296. Л. 46.
- ⁴⁷ Там же. Л. 27.
- ⁴⁸ Там же. Л. 36.
- ⁴⁹ Там же. Л. 69.

Статья поступила в редакцию 10 июня 2019 г.
Рекомендована в печать 5 марта 2020 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Рыбаков Р. В. В поисках новой идентичности: исследование самопрезентаций молодежи в автобиографиях начала 1920-х годов // *Новейшая история России.* 2020. Т. 10, № 2. С. 426–439. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2020.210>
УДК 930.2:329.78

Аннотация: Публикация посвящена выяснению эвристических возможностей исследования социально-политической идентичности молодежи на основе автобиографического материала. В качестве главной источниковой базы используются комсомольские автобиографии, подготовленные в 1922 г. в связи с проводимым пересмотром состава активных работников Российского коммунистического союза молодежи в Омской губернии. Документы не только являются важными свидетельствами, отражающими индивидуальный опыт личности, проживающей конкретную историческую эпоху, но и, как показало исследование, могут рассматриваться в качестве одного из средств конструирования коллективной идентичности и социальной памяти. Молодежь выбирала разные стратегии описания своей жизни. Подготавливая автобиографии, юноши и девушки интуитивно акцентировали внимание на тех событиях, которые позволяли продемонстрировать приверженность коммунистическим идеалам и близость к советской власти. Несмотря на качественные отличия, сопоставляя автобиографии, можно выделить ряд повторяющихся сюжетов и мотивов. Главными темами, поднимаемыми в документах, стали детство, воспитание, семейные отношения, воспоминания о революции и Гражданской войне. Стремясь соответствовать предъявляемым социально-политическим требованиям, молодежь не скрывала свои недостатки. Непролетарское происхождение, полученное образование, религиозное воспитание превратились в своеобразный механизм оправдания и самокритики. Таким образом формировался положительный образ личности, отвергающей прежнюю жизнь и ее ценности. Присутствующее в анализируемых источниках сходство переживаний, восприятий исторически значимых событий, оценочных суждений у лиц разного социального происхождения свидетельствует о консолидации молодежи, возникновении коллективной идентичности и общей социальной памяти. Подготовка автобиографии выполняла важную социально-политическую функцию легитимации личности и ее статуса в коммунистическом союзе молодежи.

Ключевые слова: молодежь, повседневность, советская идентичность, автобиография, комсомол, Омск.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) и Министерства образования Омской области в рамках научного проекта № 18-49-550004.

Сведения об авторе: Рыбаков Р. В. — канд. ист. наук, доц., Омский государственный технический университет (Омск, Россия); roman-rybakov@mail.ru

Омский государственный технический университет, Россия, 644050, Омск, пр. Мира, 11

FOR CITATION

Rybakov R. V. 'In Search of a New Identity: A Study of Youth Representations in Autobiographies of the Early 1920s', *Modern History of Russia*, vol. 10, no. 2, 2020, pp. 426–439. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2020.210> (In Russian)

Abstract: This article seeks to clarify the heuristic possibilities of studying the socio-political identity of young people by using autobiographical material. The main source of data are Komsomol autobiographies, prepared in 1922 in connection with ongoing revisions of the composition of active members of the Russian Communist Youth Union in the Omsk province. These materials reflect not only the individual experiences of people living in a particular historical epoch, but also as one means of constructing collective identity and social memory. Young people chose different strategies for describing their lives. In preparing their autobiographies, boys and girls intuitively focused on those events that allowed them to demonstrate their commitment to communist ideals and proximity to Soviet power. Despite qualitative differences, a comparison of autobiographies identifies several recurring

themes and motifs: childhood, education, family relationships, and memories of the revolution and the Civil War. In an effort to meet social and political demands, young people did not hide their shortcomings. Non-proletarian origin, received education, and religious education turned into a peculiar mechanism of justification and self-criticism. Thus was formed the positive image of a person who rejects his former life and its values. The preparation of autobiographies served an important socio-political function of legitimizing the personality and its status in the communist youth union.

Keywords: youth, everyday life, Soviet identity, autobiography, Komsomol, Omsk.

This research was supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) and the Ministry of Education of the Omsk Region, project no. 18-49-550004.

Author: *Rybakov R. V.* — PhD, Associate Professor, Omsk State Technical University (Omsk, Russia); roman-rybakov@mail.ru

Omsk State Technical University, 11, pr. Mira, Omsk, 644050, Russia

References:

- Shaw C. R. *The Jack-Roller: A Delinquent Boy's Own Story* (Chicago — London, 2013).
- Divisenko K. S. 'Dynamics of schoolchildren's values (based on materials from autobiographies and essays)', *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 8 (292), 2008. (In Russian)
- Erikson E. H. *Identity: Youth and Crisis* (Moscow, 2006). (Rus. Ed.)
- Fitzpatrick S. *Tear off the masks! Identity and Imposture in Twentieth-Century Russia* (Moscow, 2011). (Rus. Ed.)
- Golikova S. V. 'The influence of formalized texts (questionnaires, autobiographies, award documents) on the Soviet memorial tradition on the revolution of 1917', *Chelovek i obshchestvo v usloviakh voin i revoliutsii* (Samara, 2015). (In Russian)
- Gudkova V. 'Populating history with people: biographical method as a tool for the humanities', *AvtobiografiiA*, no. 5, 2016. (In Russian)
- Gutman Yu. E. 'Socio-psychological and age features of adolescence', *Aktualnye problemy i perspektivy razvitiia sovremennoi psikhologii*, no. 1, 2017. (In Russian)
- Kon I. S. *Psychology of Early Youth* (Moscow, 1989). (In Russian)
- Maydachevskiy D. Ya. 'Autobiography as a historical and scientific source and genre', *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniia*, vol. 16, no. 1, 2015. (In Russian)
- Mannheim K. *Essays in sociology of knowledge: the problem of generations — competitiveness — economic ambitions* (Moscow, 2000). (Rus. Ed.)
- Manuylova I. B. 'Motivation for getting the teaching profession among peasant youth (based on materials from autobiographies of applicants from Smolensk pedagogical institute)', *Slavianskii mir: pismennost', kul'tura, istoriia* (Smolensk, 2017). (In Russian)
- Mironov B. N. 'The social and psychological profile of the Russian proletariat and its role in the revolutionary movements', *Bylye gody*, no. 44 (2), 2017. (In Russian)
- Neumann M. "'Youth, It's Your Turn!': Generations and the Fate of the Russian Revolution (1917–1932)", *Journal of Social History*, no. 46 (2), 2012.
- Nikulin V. V. 'The evolution of the institution of marriage in Soviet Russia: from the withering away of marriage to a conservative family (1917–1920)', *Vestnik Tambovskogo universiteta, Ser. Gumanitarnye nauki*, vol. 21, no. 7–8, 2016. (In Russian)
- Nurkova V. V. 'The role of autobiographical memory in the structure of personality identity', *Mir psikhologii*, no. 2, 2004. (In Russian)
- Pascal R. *Design and truth in autobiography* (New York, 2016).
- Rice P., Dolgin K. G. *The adolescent: development, Relationship, and culture* (St. Petersburg, 2012). (Rus. Ed.)
- Rozhkov A. Yu. 'The emotional experiences of a youth prisoner of OGPU (Krasnodar, 1928)', *Istoricheskaia i sotsialno-obrazovatelnaia mysl'*, vol. 9, no. 6–1, 2017. (In Russian)
- Rozhkov A. Yu. *Among peers: the life and world of a young man in Soviet Russia in 1920s* (Moscow, 2014). (In Russian)
- Rubinshtein M. M. *Youth: according to diaries and autobiographical notes* (Moscow, 1928). (In Russian)
- Slezin A. A., Skoropad A. E. 'The exercise of political control over the youth through the regulation of the composition of Komsomol organizations: the initial stage', *Sotsiodinamika*, no. 3, 2013. (In Russian)

Tikhomirov A. A. 'Earning, Vindication and Returning the Party's Trust: The Soviet "I" in Public Letter-Writing to Party-State Authorities in Early Soviet Russia', *Modern History of Russia*, no. 3(17), 2016. (In Russian). DOI: 10.21638/11701/spbu24/2016.309.

Velichko L. N. 'Autobiography as a way of "constructing" the past and a special type of historical source', *Vestnik stavropol'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta*, no. 13, 2010. (In Russian)

Wirtschafter E. K. *Social Identity in Imperial Russia* (DeKalb, 1997).

Zaretskiy Yu. P. 'Testimonies of "little" people: new studies of Dutch historians', *Sotsialnaia istoriia: Ezhegodnik. 2008* (St. Petersburg, 2009). (In Russian)

Zenkovskiy V. V. *Psychology of Childhood* (Moscow, 1995). (In Russian)

Received: June 10, 2019

Accepted: March 5, 2020